

III. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА И ЭТНОИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: САМОСОЗНАНИЕ И ТРАДИЦИЯ¹

Музыкальные инструменты, их строение (морфология), способ изготовления (эргология), особенности игры на них, жанры и формы инструментальной музыки способны сохранять свою специфику на протяжении целых исторических эпох, пока сохраняются выдвигаемые традицией задачи и условия функционирования. Тесно связанный с традиционной деятельностью и веками складывавшейся ментальностью народа, их породившего, принявшего или стабильно использовавшего в своей многовековой практике, инструментализм явился мощным **идентификационным фактором этнической культуры**, порою более устойчивым, консервативным, чем этническое самосознание и даже бытовая речь.

Понятие «Западная Россия» сегодня чем далее, тем все более решительно не только на политической карте и в административных границах, но в бытовом сознании и даже в научных исследованиях (культурологических, музыковедческих, этнологических, исторических) трактуется как *западная окраина* русских этнических территорий, а ее население, соответственно, как *западная ветвь* великорусского этноса (см.: 32, 38, 45). Сказанное обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, в подобном представлении отчетливо след, длительный опыт использования и мутация исторического термина «Западная Русь», которым именовали **всю территорию** распространения белорусских диалектов и который отчетливо соотносим со **всем этносом белорусским** и его древнейшими государственными и конфессиональными формированиями (Русь Литовская, Русь Черная и Белая и др.). Во-вторых, западнорусскими (равно как белорусскими) диалектами называли на рубеже XIX–XX вв. говоры местного населения и составители карт «распространения русского языка в Европе», понимая под *русским* некий восточнославянский язык как единое целое, а его отдельные национальные проявления или, в современном значении, – языки (в том числе великорусский) лишь как *диалекты*. Вспомним их классификации: говоры великорусские; малорусские (южнорусские, украинские); белорусские (западнорусские) и т. п. (53). Формированию такого представления немало способствовало и культурно-историческое течение рубежа XIX–XX вв. – западноруссизм, которое видело перспективы в координации национального и общевосточнославянского векторов развития Беларуси (52).

При этом понятие «Западная Русь» уже в его более узком значении явилось исторически соотносимым с северным регионом восточных окраин (так называемым *kresy wschodnie*) Первой (Великой) Речи Посполитой, который начиная с отторжения от Речи Посполитой Смоленска в конце XVII в. и в результате нескольких ее разделов (польск. *rozbiory*) в XVIII столетии, ряда (как в имперской России, так и в Советском Союзе) изменений административных границ оказался в составе Российской Федерации. Большая,

¹ Первоначальный вариант опубликован в издании: Музикологија: часопис Музиколошког института Српске академије наука и уметности. Београд, 2007. № 7. С. 157–183.

северовосточная их часть – т. е. южные (Невельский, Усвятский, Себежский, Куньинский) районы современной Псковской области (до 20-х гг. XX в. они – в составе Витебской губернии, прежде – Полоцкого княжества), западные – в составе Тверской, значительная – западная часть Смоленской (вместе с самим Смоленском), северо-запад Брянской областей (равно как и северо-восток Черниговской – в составе Украины), – согласно данным лингвистических исследований и этнографических карт (в том числе осуществленных Государственной комиссией Российской империи) вплоть до Октябрьской революции – без каких-либо сомнений и оговорок обозначалась как *область белорусского языка* (южная часть западной Брянщины – на юг от г. Стародуба – языка украинского) (11; 33; 39; 53).

Историческая диалектология – на основе координации лингвистических и историко-политических факторов – относит местные говоры к *смоленско-полоцким*; в одном ряду (но не смешивая) с киевскими, галицко-волынскими, чернигово-северскими; рязанскими, псковскими, ростово-суздальскими, новгородскими (6: 71); белорусская же этнокультурная идентификация Полоцкой, как и Витебской, земли, не подлежала дискуссии. Да и Могилевщина в течение многих веков не только в этнокультурном, но и в политико-экономическом отношении составляла единое целое со Смоленщиной, входила в состав Смоленского княжества, а затем Смоленского воеводства Речи Посполитой. Стоит напомнить, что не случайно первой столицей Белорусской Советской республики стал Смоленск, что в 1924 г. в правительстве (ЦИК) СССР поднимался вопрос о возвращении в ее состав белорусских этнических территорий (7: 38), что на этих землях до середины 30-х гг. XX в. в общеобразовательных школах изучали белорусский язык, функционировали белорусские просветительские организации, кружки, клубы, театры. А в военное время Смоленско-Брянская епархия (с рукоположенным епископом) входила в состав Белорусской автокефальной православной церкви (13; 47; 1: 203; 14: 76–78). И своеобразным щитом между немецкими оккупантами и партизанскими группами служили спасшие от репрессий многих мирных жителей Брянщины и Смоленщины действия сформированных здесь и почти целиком состоящих из местного населения кадровых частей Белорусского краевого войска (14: 67–75).

Однако унаследованное от царских времен и возрожденное в сталинскую эпоху мощное имперское давление, поэтапное вытеснение, ассимиляция, разрушение белорусской национальной интеллигенции как *субъекта культурной инициативы*, особый акцент в культурно-политической работе властных структур в этом ареале на воспитании русского (читай: *великорусского*) патриотизма, существенная поддержка прежде всего русскоязычных смоленских поэтов и писателей, полная ликвидация и так довольно еще слабых белорусских культурных организаций, школ и кружков и т. п. при естественном историческом преобладании у *маргинальной северовостоchno-белорусской этнокультурной общности* (как и у других подобных этногрупп) *локальной* (невельской, велижской, смоленской и т. д.) *идентичности* над национальной – все это постепенно привело к установлению на этих землях как основополагающего *русского* национального самосознания. Более того. Развитие современных мифов и исторических легенд (8), согласно которым Смоленщина на протяжении всей своей истории была западным форпостом страны и всего народа русского, способствовало тому, что размах патриотизма здесь даже мощнее, чем в других регионах России.

Этнокультурная специфика названных и других – типологически им подобных – *маргинальных этнографических групп* обусловлена сосу-

ществованием как минимум *двух* противоположных векторов их интеграционных контактов и тяготений: 1) к центрам *государственной* метрополии (для северо-восточных белорусских этногрупп – Москва, Россия; для украинцев Подляшья и Холмщины, белорусов северо-восточной Белосточкины – Варшава, Польша; Виленщины – Вильнюс, Литва; Латгалии-Двинщины – Рига, Латвия; и т. д.); 2) к центрам *этнической* метрополии (соответственно – Минск, Киев, а также ближайшим локальным, исторически сложившимся, либо сегодня актуальным – Могилев, Витебск, Гродно; Львов, Ровно, Луцк и т. п.).

Безусловно, важным фактором для сохранения этнокультурного вектора является уровень *состояния границы*. Для этнических белорусов Невельщины и западной Смоленщины в советские времена граница была достаточно условной – невеличане чаще контактировали (большие базары; учеба в средних и высших учебных заведениях...) с близлежащим Витебском, чем с далеким Псковом; не слишком усложнилось ее преодоление и в нынешние времена. Так же было в Двинском и Виленском краях (сегодня ситуация здесь резко ухудшилась: таможни, паспорта для зарубежных поездок, визы): то на полтора десятилетия открылись украинско- и белорусско-польские границы, то вновь осложнилось их пересечение.

Существен также складывавшийся в течение определенного времени и связанный с *этноконфессиональными* проблемами опыт *национально-культурной ориентации*. Многие этнические украинцы и белорусы-католики на маргинальных этнокультурных территориях (в настоящее время – и в составе метрополий, но находившихся в определенный *исторический период* на маргинальном положении либо вне своего национального государственного образования: украинские Волинь, Подолье, белорусские Гродненщина, западная Витебщина в составе Царства Польского, межвоенной Польши и т. п.) учились в польских школах, освоили (особенно в городах и местечках) соответственный литературный язык, слушали варшавское радио, добывали журналы, постепенно обрели *польское национальное самосознание* и нередко даже становились лидерами движений за польское возрождение этих земель (Виленского края, Западной Беларуси и др.). К тому же польскость, опора на «польский дух» и культуру часто являлась знаменем разного рода антиимперских борений. Среди *православных* (особенно в епархиях Московского патриархата) – наоборот, налицо ассимилятивные процессы *русификации*. В этом плане на восточнославянских землях более других учитывала национальный фактор *греко-католическая* конфессия (образованная согласно Брестской церковной Унии в 1596 г.): при богослужении и в приходских школах применялись белорусский и украинский языки. Однако после ее насильственной ликвидации в 30-х гг. XIX в. на землях, попавших после раздела Речи Посполитой в состав Российской империи, тенденции к русификации коренного населения резко усилились. Произошедшие деформации особенно рельефно проступают при сравнении этих земель с Галицией (галицкой частью исторической Червонной Руси – Галицко-Владимирского княжества и королевства), оказавшейся в определенное время в составе Австро-Венгерской империи. Здесь греко-католики не подвергались гонениям вплоть до сталинских репрессий конца 40-х гг. XX в. и степень сохранности национального языка, культуры, самосознания не только сельского, но и городского населения была значительно выше. К осторожности при учете конфессионального фактора в определении этнической принадлежности той или иной группы населения собиратели призывали еще в середине XIX в. (3).

Существенны, разумеется, **государственная языковая и культурная политика**, средства массовой информации, система образования с ориентацией на господствующий, государствообразующий этнос. Их воздействие, понятно, сильнее сказывается в этногруппах, говоры которых лексически ближе к языку государственному. Белорусы и украинцы в этом плане, естественно, представляют более податливый материал для колонизации и русификации, чем литовцы или латыши, хотя в определенные времена известен масштаб германизации венгров, шведизации финнов, а следы мадьяризации еще и сегодня сильны в Словакии, Румынской Трансильвании и Закарпатской Украине. Более того. Осознавая близость, почти идентичность фольклора и бытовой речи сельского населения западной Смоленщины и Могилевщины, Витебщины и Невельщины, на фоне так называемого равноправия двух государственных языков, мощной русификации городов и местечек в самой Беларуси, сегодня и в Могилевщине и Витебщине видим немало инициатив по развитию русского самосознания уже и на землях Республики Беларусь. Лексическое сходство русского и белорусского языков, современное обозначение второго – грамматически – как некоей разновидности первого (*русский* – *белорусский*) дают подобным инициативам своего рода основания говорить о естественном «тяготении» этих земель к Москве, исторической «русскости» их населения, якобы колонизированного в эпоху Литвы и Речи Посполитой и потому – «обелорусившегося» (1: 218–219).

Соотношение названных векторов обусловлено как характером *национальной политики* государственных метрополий, так и масштабами *культурно-просветительской деятельности* местной интеллигенции на маргинальных землях, их поддержки со стороны центров этнических метрополий. В этом плане возможности белорусских и украинских культурных инициатив в Литве, Латвии, Польше, Словакии, Румынии несомненно предпочтительнее (функционируют национальные культурные центры, пресса, создаются радио- и телевизионные программы, клубы, языковые курсы и школы, проводятся фольклорные фестивали, другие форумы этнической культуры), чем в России (белорусская этнокультурная деятельность на Смоленщине, Тверщине, Брянщине так и не возродилась, украинская – на Кубани и Восточной Слобожанщине – находится практически в зачаточном состоянии). Но и здесь не все так просто. Не так давно, например, правительство Литвы на основании своего несогласия с характером проведения в Беларуси выборов запретило трансляцию на территории Литвы (и соответственно – белорусско-этнической Виленщины) передач белорусского телевидения (2: 6–8).

Сказанное отразилось и в науке – этнографии, фольклористике, этномузыкознании. Лингвистический фактор – живой говор коренного сельского населения – фактически оказался проигнорированным, отодвинутым на второй план, особенно благодаря принятому без каких-либо дискуссий и используемому почти как закон положению Ю. Бромлея, согласно которому не язык и культура, а *самосознание* человека является основополагающим фактором при определении национальной (в том числе этнической) идентичности (4). И сегодня уже достаточно широко – и в научных исследованиях, и на фольклорных фестивалях – **белорусские этнические маргиналии** – т. е. не диаспора, а исторически сложившиеся этнографические группы, проживающие на своих коренных этнических территориях, которые находятся в настоящее время за пределами собственного национального государства (25; 26) – в данном случае Республики Беларусь, – отмечают как *русские* этнические территории, а их население – в лучшем случае – как

особую, западную диалектную или этнографическую *группу* русского народа (31; 32; 38). Соответственно, и жанры ее фольклора трактуют как составную часть общерусского культурного наследия, общерусской этнической традиции; тексты в песенных сборниках публикуются в русской транслитерации, очень часто с существенной деформацией их фонетики (45; 31; 38). В некоторых случаях, правда, указывают на так называемое белорусское влияние, оговаривают, как на самом деле следует произносить то или иное слово, окончание, согласный, гласный («...надо помнить, что на Смоленщине все безударные "о" поются как "а", а безударные "е" как "я"; твердые глагольные окончания смягчаются» – 31: 3); отмечают сходство звука «г» в местных говорах с ... украинским и т. п.: более деликатным в этом плане и для своего времени смелым представляется предисловие к сборнику смоленских песен В. И. Харькова (48). Как существенно уступают подобные издания работам своих предшественников и тех немногих современников, которые объективно, без идеологического корректива или лингвистического «недослышания» передают тончайшие оттенки традиционного говора и мелодики (9; 58; 28)! Столь же целенаправленны и, увы, пока безуспешны усилия польских институтов, вот уже более десятилетия направляющих свои экспедиции на Волинь, Подолье и Виленщину с целью разыскать там польскую фольклорную архаику.

Активизировавшиеся в последние 15–20 лет исследования традиционного инструментария и музыки белорусских маргинальных этнических территорий Смоленщины, западной Тверщины, южной Псковщины (35; 36), северо-восточной Белосточкины (19; 24), Виленщины (43), украинского Северного Подляшья (21; 27; 46) создали мощный барьер указанным тенденциям, тем более что инструментальная музыка в значительно меньшей степени, чем искусства, связанные со словом, подвержена идеологическим воздействиям и может сохранять древнейшие слои этнической культуры при существенных мутациях национального самосознания и даже при известном разрушении системы вербального общения. Так, инструментарий, охотничьи и пастушеские трудовые и ритуальные наигрыши полностью обрусевшего, ассимилированного как на уровне самосознания, так и языка общения коренного вепсского и ижорского населения на Северо-Западе России до сегодняшнего дня остаются идентичными в контексте финно-угорской музыкальной традиции (22).

И это понятно. Пока существует потребность исполнения сигнальных, манковых (подражания звукам животных с целью их приманивания) или ритуальных наигрышей охотниками и пастухами (система их сигналов, а также материал – трава, кора, стволы дерева, – из которого делают инструменты – трубы, дудки, свистульки, рожки и т. д., дотоле стабильны, доколе в корне не разрушена, не изменилась сама окружающая природа и обусловлены ею строй, звуковысотные отношения, акцентуация, ритм, мелодика музыкально-коммуникационных сообщений, а также манковых имитаций, связанных с пением птиц и криками животных в окрестных лесах), звуковой мир традиционного трудового и обрядового инструментализма остается автономным, независимым от каких-либо интеграций или адаптаций.

В известной мере и танцевальная инструментальная музыка менее зависит от слова, языка, идеологии даже в сравнении с традиционной песней, хотя и богато здесь поле для порождения новых форм, принятия модных веяний, заимствований и т. д., которые, однако, расширяя круг музыкальных реалий, вовсе не разрушают уже существующие. Привнесенные на Беларусь в эпоху активных западноевропейских взаимодействий

Великого княжества Литовского и Речи Посполитой широко расселившись на этих землях евреями и цыганами (цыгане активно музицировали не только в демократической среде вокруг малых годов и местечек (30: 55), но и служили придворными музыкантами у крупных магнатов – Сапег и Радзивиллов (1: 230)) цимбалы не только не вытеснили традиционные пастушеские звуковые орудия, не исчезли под бурным натиском более поздних воздействий, но, более того, – стали знаковым, этнорепрезентирующим явлением белорусской национальной культуры. Иными словами, если стабильны окружающая природа, акустическая среда и традиция бытования инструментальной музыки, важнейшие ее сферы сохраняют свое этноисторическое своеобразие.

Что же в этом плане мы наблюдаем на северо-восточных белорусских маргиналиях, согласуется ли традиционный инструментализм с трактовкой этих земель как западнорусских этнографических окраин? Инструментарий, жанры и формы инструментальной музыки – как наиболее древние, архаичные, так и возникшие на протяжении последних нескольких веков – отчетливо связаны с белорусской культурой, находятся в **едином пространстве северо- и восточнобелорусских этнических традиций** (35: 3; 36). И в то же время – существенно отличаются от традиционного русского инструментализма даже на близлежащих соседних землях: на восток Смоленщины, на север Псковщины.

Среди традиционных **пастушеских инструментов** Невельско-Себежского региона – длинная амбушюрная труба, характерная для всей исторической Беларуси, имеющая литовские и украинские аналоги (трембита, полесская сурма, даудите), но отличающаяся от более коротких ее разновидностей на великорусских территориях. В то же время типовой пастушеский рожок (жалейка) западной Тверщины с надрезным на самом корпусе инструмента П-образным язычком и тремя грифными отверстиями, прикрываемыми пальцами обеих рук, распространен как во всех белорусских регионах, так и у многих других народов, в этногенезе которых наряду с *балтским* существенное место принадлежит *финно-угорскому* субстрату (в том числе литовцев, латышей, русских, не говоря уже о карелах, вепсах и других прибалтийских финнах). Здесь же и характерные восточно-белорусские парные свистковые флейты с нескрепленными трубками – двойчатка, свирель и т. п., территория распространения которых на восток не простирается дальше Смоленщины. Аналогично – как след *балтского* субстрата в этнической истории белорусов – импровизации на нескольких натуральных амбушюрных трубах разного размера и, соответственно, высоты основного тона фиксируются у белорусов северо-восточной Белосточкины. Параллели им находим в литовской Аукштайтии (63: 36–70), но в украинских и польских традициях юго-восточной и западной Белосточкины подобный феномен не встречается.

Широко распространены на невелиско-смоленских землях и своего рода национальный символ белорусской музыкальной традиции – характерные ручные *малые цимбалы*, северный и восточный пределы распространения которых четко совпадают с границами исторической Первой Речи Посполитой. А характер исчезновения скрипки в народной традиции – постепенного, по мере продвижения на северо-восток Псковщины, и внезапного – на восток от Дорогобужа и Брянска – удивительным образом соответствует (согласно лингвистическим картам) плавности перехода белорусских говоров в великорусские на север и восток от Невеля и Себежа к Великим Лукам и Пскову и резкой границей между зонами названных говоров, разделяющей западную и восточную Смоленщину (20: 312, 317; 11; 39; 53).

Современные экспедиционные изыскания, записи инструментальной музыки на белорусских маргинальных территориях очень хорошо координируются с произведенной на Смоленщине в конце XIX в. В. Добровольским и Л. Кубой документацией традиционных песен, определяемых учеными как песни характерно белорусские (18; 9; 58; 42; 44; 51). Л. Куба, великолепно знавший и непосредственно исследовавший музыку многих других славянских народов (чешского, украинского, серболужицкого и т. д.), при нотации смоленского фольклорного материала детально фиксировал характерные белорусские фонемы, а всю песенную традицию западной Смоленщины в межславянском музыкально-этнографическом контексте трактовал как типично белорусский феномен. Сказанное четко проявляется и сегодня в жанрах музыки инструментальной.

Весьма характерны для всей этнической традиции северной Беларуси распространенные в Невельско-Усвятском Поозерье так называемые *надзяляны* – специфический жанр, связанный с ритуалом одаривания молодых («надзел» – «напутственный подарок», «надел») в виде линейной полифонии свободно артикулируемого свадебного плача – обычно тирадной структуры – на фоне ритмически четкой инструментальной композиции с типовым танцевальным либо маршевым метром. Здесь же до последнего времени бытовали, да и сегодня хорошо сохранились в народной памяти *валачобныя* – ритуальные песни-наигрыши мужчин-волочечников при пасхальных обходах дворов. Волочечные песни как особый музыкальный жанр весенней обрядности (наследие весеннего Нового года) представляют собой классическое, *знаковое* явление традиционной белорусской культуры (редкие островки функционирования волочечных за пределами белорусской этнической территории встречаются лишь в так называемом Малом Полесье – Западная Украина – и Люблинщине – Восточная Польша). Мало того. На северо-восточных белорусских маргиналиях волочечные *нормативно* исполняются под гетерофонное сопровождение инструментов – скрипки, гармоники и даже – в чисто инструментальной версии.

И вообще на маргинальных землях (в том числе на северо-восточной Белосточчине), как прежде широко на всей Беларуси и... никогда в традиционной русской обрядовой практике, и зимние коляды, и песни участников летних обходных процессий (в кругу жнивных песен) исполнялись под инструментальные наигрыши. Вокально-инструментальные и чисто инструментальные версии традиционных обрядовых, свадебных ритуальных песен – явление в принципе типичное как для названных маргинальных, так и метрополных традиций Беларуси и далее – на запад и юг: Украину, Польшу, Литву, но никак не в Россию, где аналогичные жанры фольклора, если и имеют место – например, коляды и свадебные (жнивные известны только Смоленщине), – являются принципиально акапельными.

Типично белорусскими (разве что наряду с украинскими, литовскими, польскими, но никак не с русскими) представляются и *составы* свадебных и танцевальных *инструментальных капелл* с основными инструментами: скрипкой, цимбалами, бубном (либо большим барабаном с тарелкой) при самых разнообразных дополнениях (дудка или флейта-пикколо, гармоника, баян, аккордеон, кларнет, труба, мандолина, балалайка и т. д.). Таково и четкое *функциональное* подразделение *ансамблевых партий*: 1) ведущая (мелодия и ведение формы); 2) вспомогательная (вторящая, виртуозно-украшающая, гармоническая либо гетерофонно-вариантная); 3) басово-метрическая – отсюда и широко применяемый в Беларуси и Украине термин для обозначения такого рода ансамблей, как «траіста музыка», «троіста музыка» (т. е. тройственная, или утроенная музыка) – независимо

от абсолютного числа играющих в капелле музыкантов (от двух до десяти и более) (23).

Именно с западными (Украина, Польша, Литва и т. д.) соседями (в отличие от восточных) роднит белорусов (на всех их маргинальных землях и в метрополии) доминирующее – среди танцевально-инструментальных жанров – положение *польки*. Она же обладает наибольшим числом внутрижанровых структурных вариантов. Типично белорусским феноменом является и «Лявониха» (или «Камаринская») – танцевальная инструментальная (иногда вместе с припевками) композиция с двойным шестидольником $[(1+1+1+1+1+1) \times 2]$. Границы ее распространения и на запад, и на восток довольно выразительны («Камаринская» М. Глинки – вполне вписывается в этот круг: первые ориентации на музыку западной Смоленщины, ее традиционные сельские капеллы, участие в работе крепостных оркестров именно в этом регионе и соответствующие впечатления композитора о музыке своей малой родины очевидны).

Инструментальная музыкальная традиция консолидирует северо-восточные маргинальные белорусские земли (в официальных административных границах западных областей Российской Федерации) не только со своими непосредственными западными и южными соседями в Витебской и Могилевской областях Республики Беларусь, но и с соответственными северо-западными белорусскими этническими территориями по ту сторону белорусско-литовских, белорусско-польских, белорусско-латвийских границ – на Двинщине (Латгалии), Виленщине, Белосточчине, объединяет в один общий этнокультурный круг – *северобелорусскую этническую традицию*. Разумеется, на разных пограничьях локальная этническая культура в те или иные времена безусловно испытывает те или иные межкультурные влияния своих соседей, а также центров государственных метрополий, сказавшиеся как на заимствовании отдельных жанров, инструментов, исполнительских приемов, так и стилевой специфике соответствующих музыкальных новообразований. Они, естественно, разнолики в разных маргинальных группах. Подобно тому как на северо-восточной Белосточчине и Виленщине (впрочем, как на Гродненщине и западной Витебщине) наряду с сосновой дудкой, скрипкой, цимбалами (известными и сегодня даже среди белорусов Латгалии), тростной музыкой, волочебными, лявонихой, полькой и т. п. нетрудно встретиться с весьма популярным в традиционной среде оберегом, в маргиналиях южной Псковщины и западной Смоленщины (равно как Могилевщины, восточной Витебщины, а то и на всей Беларуси) – с разнообразными частушками (в том числе «Барыней», или «Русского»). Но и там и там играют всё *по-белорусски*. И даже если певцы не адаптируют соответственные песенные тексты и поют по-польски или по-русски, явно выраженный белорусский акцент в их произнесении (с характерными «шъ», «жъ», «цъ», «дзъ», «я» вместо «с», «з», «ть», «дъ», «е», аканьем, фрикативным «г» и т. д.) выдает этническое происхождение исполнителей. Подобные явления мы наблюдаем и на других белорусских этнических территориях за пределами метрополии – как уже упомянутых выше, так и в центрально-западной Брянщине (Россия) и северо-восточной Черниговщине (Украина), хотя инструментальной традиции этих земель пока еще только предстоит полнее предстать перед глазами будущих исследователей.

Сказанное в известной мере относится и к украинским этническим маргиналиям в Восточной Словакии; юго-западной Брянщины, западных районов Курской, Белгородской, Воронежской (историческая Восточная Слобожанщина), Ростовской областей, а также черноморским казакам и хуторянам Кубани и Ставрополя (Российская Федерация); гуцулам и ма-

раморошцам Румынии; к значительной части Брестской (на юг от Припяти и Ясельды – исторические Берестейщина и Пинщина) и нескольких районов Гомельской областей (Республика Беларусь); Лемковщины (исторически устойчивой и сохраняющей свое самосознание и культуру в составе Словакии и подвергшейся насильственному выселению в отторгнутые от Германии после окончания Второй мировой войны западные районы Польши, а также рассеянию – в разные регионы Украины и лишь частичной репатриации в Польше – Западной Бойковщины (коренные жители которой было выселены со своих родных земель – ныне в Польше – на южное Поднепровье (Херсонская область Украины); исторически украинским Надсянью, Хомищине, Восточной Люблинщине, Южному и Северному Подляшью в составе современной Польши.

Этнополитическая ситуация, уровень самосознания, состояние этнической культуры на этих землях весьма дифференцированы. По-разному сказываются на них произошедшие в середине XX в. и происходящие сегодня исторические коллизии. Национальная жизнь (образование, деятельность СМИ, центров культуры) на украинских маргинальных землях Словакии и Румынии после Второй мировой войны не прекратилась и даже заметно активизировалась; в России же и Беларуси на многие десятилетия она была полностью прервана и стала лишь робко возрождаться на Кубани и Берестейщине в последние годы. Все украинское население Польши после репрессивной операции сталинско-берутского режима подверглось насильственному изгнанию со своих земель; вернулась на родину лишь его незначительная часть. Правда, в Польше значительно раньше, чем в России, активизировались проявления национально-культурной автономии, особенно в городах и местах рассеянного проживания украинцев, стали выходить газеты и журналы, проводиться молодежные фестивали украинской песни, открылись немногочисленные национальные лицеи, школы и кружки по изучению украинского языка и культуры; функционируют хоры, кафедры украинистики в нескольких университетах – как правило, вне исторических украинских земель (в Варшаве, Кракове, Люблине и т. д.). Естественному же бытованию традиционной культуры был нанесен практически не поправимый ущерб.

В особой ситуации оказалось лишь Северное Подляшье. В отличие от своих южных собратьев (до 1999 г. – в составе Бело-Подляшского, ныне – Люблинского воеводства) Северное Подляшье (в составе Белостокского, с 1999 г. – Подляшского воеводства) – *единственная украинская этническая территория в Польше*, коренное население которой не подверглось насильственной депортации в период репрессивной операции «Висла» на рубеже 40-50-х гг. XX в. Это население (как и соседних – на юго-восток – Волыни и Западной Берестейщины) относится к центрально-украинскому антропологическому типу (54; 12); повседневный язык – к североукраинским говорам (16: 279–292). Этимология названия региона отражает его расположение на западной окраине украинских земель и длительность пребывания в составе польского государства («под ляхами» – любопытно, что в польской терминологии ориентация изменена: «Podlasie» – это уже как бы земля под лесами, по аналогии с Полесьем).

Этнографические границы Подляшья с белорусской северо-восточной (на север от рек Нарев и Наревка) и польской западной Белосточчиной складывались и сохранялись на протяжении тысячелетий. На заре новой эры северный край Подляшья (в едином ареале с Волынью) был границей так называемой зарубинецкой культуры (археологически предшествующей соответствующей восточнославянской – римского периода I–IV вв. н. э.),

на западе граничащей с пшеворской. С VI–VII вв. река Нарев (как и далее – Ясельда, Припять) – граница *славян* (их праукраинская основа определилась и благодаря активному заселению Подляшья дулибами-бужанами-волянянами и вхождению с X в. в состав Киевской Руси, Галицко-Владимирского княжества и королевства) и *балтов*, а после ассимиляций балтов славянами – дреговичами и кривичами – вот уже тысячелетие служит этнографическим рубежом украинцев и белорусов. Исторический балтский (наряду с финно-угорским) субстрат белорусов (в отличие от волинско-подляшских украинцев) надолго сохранялся и благодаря периодическим колонизациям соответствующих земель балтским племенем ятвягов, упоминания о которых встречаются вплоть до XIII столетия. Все дальнейшие исторические коллизии (21:105–107) вызвали известную полонизацию католической части украинского Подляшья, особенно в городах (то же касается и белорусов северо-восточной Белосточчины), но не отразились на этнографических (в том числе диалектных) украинско-польских, украинско-белорусских и белорусско-польских границах сельского населения края (11; 16; 55; 61; 53; 55).

Парадоксальность ситуации Северного Подляшья заключается в том, что, с одной стороны, в отличие от других украинских ареалов современной Польши здесь по-прежнему стабильно и компактно проживает на своей земле коренное украиноязычное население, с другой – произошедшие в последние три четверти века политические метаморфозы существенно пошатнули его национальное самосознание, культурно-образовательные ориентиры и этническую идентификацию. После присоединения региона в 1939 г. (согласно пакту Молотова–Риббентропа) к БССР началась его активная белорусизация (здесь, как и на соседней Берестейщине, было прекращено существование всех украинских культурных центров, закрыты школы, ликвидированы пресса и доступ к средствам информации с Украины; в графе «национальность» в паспортах и других документах всех украинцев записали *білорусами*; несогласным была открыта широкая дорога... в Сибирь, в тюрьмы, ссылку). Ассимилятивная политика продолжилась после военного перерыва (в период немецкой оккупации украинские инициативы на Берестейщине и Подляшье в какой-то мере возродились) и передачи Северного Подляшья в 1945 г. Польше. Более того. Национальные инициативы Польши наряду с обычным на маргинальных территориях возрастанием государственного вектора культурно-образовательной деятельности и соответственной полонизацией всей общественной жизни были направлены на создание своего рода белорусской культурной автономии на исторически украинских этнических массивах.

Именно здесь вот уже более полувека распространяется белорусская пресса, проводятся фестивали и праздники белорусской культуры, создаются белорусские клубные коллективы, школы с преподаванием белорусского языка. Именно здесь (а не на этнически белорусской северо-восточной Белосточчине, где практически нет ни национальных клубов, ни даже школ и кружков по изучению родного языка) функционируют государственный Музей белорусской культуры и два специальных белорусских лицея. Многие их выпускники, продолжив обучения в вузах Минска и Гродно и возвратившись домой еще более «сознательными белорусами», развернули соответствующую работу не только на местах, но, демонстрируя ее успехи на различных съездах, конференциях, фестивалях, в средствах массовой информации и репрезентировав Подляшье как мифический Феникс «восставшей из пепла» белорусской цивилизации на фоне тотального обрусения Советской Беларуси, – стали одной из наиболее активных сил в

деле возрождения национальной культуры и самосознания в самой Республике. Что же касается Подляшья – оно оказалось, как удачно выразился видный польский историк Г. Куприянович, своего рода «маргиналией маргиналии» (15), с еще более смущенным, растерянным уже между тремя (!) метропольными векторами культурных ориентаций (Украина, Польша, Беларусь) этническим самосознанием и потому еще более ослабленными возможностями каких-либо общественных национальных инициатив.

Сказанное отразилось и в научных исследованиях, посвященных этнической культуре края. В лучшем случае украинские песни даются в польской транслитерации (например, в сборнике песен села Орешково: 56), в худшем – с откровенными и направленными искажениями. К числу наиболее показательных в этом плане, пожалуй, относится изданный в рамках серии «Беларусское народное творчество» (под эгидой Академии наук Республики Беларусь) том М. Гайдука «Песни Белосточчины» (34). Мало того, что подавляющее число помещенных там текстов репрезентируют украинский фольклор Подляшья, запись и изучение которого насчитывает уже более полутора столетий (57; 5; 46; 21), но и сами песни даны в переводе и тщательно отредактированы согласно нормам белорусского литературного языка. И ведь на подобный материал опираются многочисленные вторичные профессиональные и любительские коллективы, молодежные ансамбли и солисты – исполнители «народной музыки»!..

Вместе с тем локальный инструментарий, песни и наигрыши, которые не только сохранились в памяти, но звучат в естественной среде, в участвовавших сегодня выступлениях аутентичных носителей традиции на концертной эстраде и СМИ, дают яркое представление о своеобразии традиционной культуры этого края и достаточный материал для ее вполне однозначной этноисторической идентификации.

Среди простейших звуковых орудий Подляшья – архаичный безрезонаторный хордофон детей-подпасков в виде доски с двух-трехниточными струнами и лукообразным смычком, аналогичный используемому в Карпатах и на Житомирщине (21: 116); «праца» – синкретический (звуковой и метательный аппарат) свободный аэрофон (индекс 411 по Систематике Хорнбостеля–Закса) воинов Киевской Руси и Волынского княжества, применявшийся местными пастухами (как в Восточном Подолье, Винничине) для развития слуха и меткости своих юных учеников («слухают, як співає і свистит камінь» – 21: 120); пастушья «пищалка з жита» подляшуків своим двойным, гобойным язычком (индекс 422.111.1). Такая *пищалка* отличается от кларнетных (422.111.2), применяемых на Белосточчине их северными, белорусскими соседями (как и в Понеманье, а также у балтов и финно-угров: литовцев, карел, вепсов, коми и т. д. – 21: 127); а вот «труби з кори» (трубы из коры дерева) у подляшских пастухов с одинарным язычком, покрывающим корытообразный мундштук, подобные закарпатским пастушьим «флоутам», встречаются на переходной украинско-белорусской языковой зоне и отличаются от гобойных – у белорусов на севере Белосточчины, а также на польских этнических территориях (29: 110; 60: 70).

Разница между белорусской и украинской этнокультурными территориями Белосточчины отчетливо прослеживается не только в морфологии, но и в названиях инструментов, а также практике их использования в трудовом быту и связанных с ним архаических ритуалах (19). Типично украинские в Подляшье – и традиция исполнять на «свистьолах» (свисталках, сопилах – грифных свистковых флейтах) – как на украинском Полесье, Волыни, Червонной Руси – ритуальные весенние мелодии «рогульки» («огульки») с ха-

рактерной ладканковой структурой (10: 45–47), и народная трактовка этих наигрышей как мелодий жалобы («Свистьоліки нови жалосненько йграють, ни одна дивчинька з жалю умліває», – так поют в селе Добривода – 21: 127).

В той же системе находятся и многие другие обрядовые песни Подляшья (как сопровождаемые в гетерофонном изложении скрипкой или гармоникой, так и акапелльные – 37: 251–269). В русле украинских (в том числе восточноукраинских) народных традиций находится и широко распространенное на северном Подляшье святочное театрально-обрядовое действо ряженных «Гоготуха» (с традиционными Козой, Журавлем, Цыганом, Чертом и т. д., с песнями, танцами, инструментальной музыкой и, в том числе, с представляющими каждый персонаж своего рода ариями, сольными пластическими номерами-«монологами» – 27: 45–48). В червонно-русском контексте здесь многообразные колядки, а также значительно более интенсивные, чем у белорусов, сам обряд и шествия колядующих. А вот зона распространения волочечных на Белосточчине четко ограничена северо-восточными – белорусскими ее районами.

Отчетливо сказываются в разных стадияльных пластах традиционного инструментализма исторические ориентации и контакты этноса в различные периоды его развития. В сфере танцевальной музыки Подляшья сегодня наряду с характерными «Гречаниками», коломыйковыми и козацковыми ритмами широко распространена полька, общая и для поляков и белорусов. У белорусов, кроме того, наряду с «Лявонихой» и инструментальными реликтами финно-угорского и балтского субстратов их этногенеза, как и у украинцев, весьма популярны воспринятые от поляков и известные на значительном ареале бывшей Речи Посполитой обереки, а также многочисленные вокально-инструментальные частушки, кстати, нередко исполняемые и с русскими текстами (культурное наследие Российской империи, служба в русской армии, массовая депортация в российские регионы в период Первой мировой войны). «Мазур», однако, исполняется на Западной Белосточчине только в собственно мазурских селах, т. е. у этнических поляков – потомков переселенцев на эти земли из Мазовше.

Отчетливая этноисторическая идентификация проявляется и в традиционной музыкальной культуре католиков Белосточчины, обладающих польским самосознанием. Это касается и тех, кто сохранил в быту свой говор и песни на родном языке (в северо-восточном регионе – белорусском; юго-восточном – соответственно, украинском), и тех, кто целиком полонизировался в языковом отношении и репрезентирует на этнографической карте так называемую польскую Западную Белосточчину. Инструментарий, жанры и формы инструментальной музыки в ее южных районах (кроме отдельных, островками расположенных сел более поздней – мазурской – колонизации) вполне координируются с украинскими традициями Подляшья, в северных – в едином контексте инструментализма всей северной Белосточчины и, шире – белорусской этнической культуры (24).

Достаточно позднее время полонизации коренного населения Западной Белосточчины подтверждается также весьма отчетливым локальным противопоставлением себя мазурам, наличием двуязычных версий многих обрядовых песен, в частности, жнивных и волочечных (причем польские тексты представлены в литературной, а не диалектной форме), наконец, достаточно отчетливыми воспоминаниями самого старшего поколения о своем детстве, когда еще говорили «по-простому», а в школе учителя поправляли: «Надо говорить не *тры* (укр. – *три*), а *trzy*, не *трэба* (соотв. – *треба*), а *trzeba*» и т. д. (24: 347).

Несколько иная ситуация складывается в **компактных диаспорах**. В их инструментализме часто лучше сохраняются явления более позднего происхождения, чем артефакты древнейшего искусства, особенно когда они тесно связаны с окружающей природой и традиционными формами его функционирования. Это касается как диаспор в инациональных державах, так и малых этнографических групп, живущих в пределах своей страны, но оказавшихся вне своей исторической территории.

Депортированные на рубеже 40-х–50-х гг. XX в. из родных сел, оказавшихся в связи с пересмотром границ на территории Польши, группы западных бойков (метрополия этнографической группы карпатских украинцев охватывает южные предгорья Львовской, северные – Ивано-Франковской и западные – Закарпатской областей) компактными общинами разместились в южных областях Украины (в основном Херсонщины). Образовав в больших степных селах свои углы либо улицы (им дали названия прежних карпатских селений) и будучи идеологически противопоставлены местным, советским украинцам (как так называемые *западени* – мифические «буржуазные националисты», да еще с греко-католическим прошлым), они, хоть и утратили свой этноним «бойки», однако не растворились в родственной национальной среде в этнокультурном плане (хотя тому должны были способствовать и общие со степняками школа, клубы и т. д.).

Херсонские бойки сохранили обрядовые, лирические и исторические песни, составы и фактуру инструментальных ансамблей (с обязательными двумя скрипками, одна из которых «торуе», т. е. вторит, аккомпанирует другой), типовые танцевальные наигрыши, преимущественно коломыйковой структуры. Трудовые же и обрядовые наигрыши охотников, пастухов и соответствующий инструментарий остались, увы, лишь в пассивной памяти стариков. Ибо изменилась среда. Здесь, в степи, нет гор, нет лесов, деревьев, из которых можно делать необходимые инструменты, нет соответствующих прежнему их опыту традиций охоты и пастбы (с длительным, около полугода, постоянным нахождением на высокогорных полонинах и т. д.).

Вместе с тем, если характер функционирования остается и в новых условиях, переселенцы могут хранить инструментальные традиции даже на протяжении тысячелетий. Так, кубкообразный бубен *kabdes* (*kumdes*, или *guobdas*) с корпусом из березового нароста – капа, растущего под корнями дерева либо от его ствола (62; 40), не встречается ни у близких, ни у далеких соседей саами и известен только у шорцев, качинцев, кетов и некоторых других народов Средней и Южной Сибири, где в незапамятные времена, задолго до переселения на нынешние земли, проживали их этнические предки (50; 40).

Типология инструментальной традиции может сохраняться и на землях, где исторические коллизии разрушили порождающий эту традицию стабильный этнический конгломерат. Взаимосуществование и взаимодействие украинских «троистых музык» и еврейских клезмеров на землях Восточного Подолья насчитывало несколько столетий. В межвоенные годы «становления пролетарской культуры» их деятельность была практически приостановлена: требовались марши и духовые оркестры. Фашистский геноцид и последующая эмиграция практически вывели из этих земель еврейскую диаспору. Сегодня на свадьбах и других традиционных мероприятиях в селах и местечках Подолья играют ансамбли духовых инструментов (к саксгорнам с большим барабаном, правда, нередко подключаются кларнет, баян или аккордеон). Но играют они... клезмерские фрейлахсы, составляющие при этом большую часть репертуара названных ансамблей,

входят даже в число ритуальных (!) мелодий. Произошла своего рода передача этнической традиции. Ведь новые – по составу исполнителей и инструментария – капеллы играют прежнюю музыку (59).

Стабильности традиционных форм музицирования может способствовать стремление к этническому выживанию в жесточайших условиях борьбы за выживание физическое. Такова поразительная сохранность в памяти и легко реализованная при первых попытках восстановления в правах инструментальная традиция, инструментарий и танцевальная музыка немцев Поволжья, вот уже две трети века проживающих в Казахстане, Кыргызстане, Сибири (17: 17–20).

А как же самосознание, национальное самоопределение, этническая идентичность? Любопытный факт, но многие из групп переселенцев, живущих сегодня в условиях диаспоры (особенно компактной), даже лучше, чем их собратья на маргиналиях, и даже, порой, в активно ассимилирующихся метрополиях сохраняют (или возрождают) свое *этническое самосознание*, а также *традиции и культуру*.

Порой названные факторы проявляются раздельно. От представителей старшего поколения смоленских выходцев в Петербурге и Карелии и сегодня часто услышишь: «Я из Беларуси, со Смоленщины», – но помнят лишь отдельные слова, выражения, пословицы, былички как проявления полузабытого уже говора родных мест. А на Могилевщине верят, что новая семья будет счастливой, если свадебный обряд пройдет по всем правилам, «как было когда-то», приглашают традиционных певиц и музыкантов из соседних смоленских деревень: местные обычаи, архаичные ритуальные песни и музыку белорусской свадьбы там сохранили лучше.

Имеет место и сочетание названных факторов этнической идентичности. Покинувшие из-за голода в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и поселившиеся на черноморском побережье Херсонщины (Южная Украина) группы выходцев из Восточной Беларуси (в том числе Могилевщины) и даже два-три поколения их детей и внуков, родившихся уже на новых землях, подчеркивают всем окружающим, что они из Беларуси, помнят и исполняют традиционные песни, танцы, наигрыши своей исторической родины (41) и, как сказала нам во время экспедиции летом 1990 г. жительница села Новороссийск Алексеевского района Херсонской области Арина Микитовна Алексеенко, «свой разговор ніколі не забываюць».

Наличие *этнодифференцирующих* фактов *традиционной культуры* нередко вызывает у представителей ассимилированных популяций желание задуматься. Католики, как и православные северо-восточной Белосточкины, если и не осознают, то вполне ощущают, что отличаются от этнических поляков и хотели бы, чтобы детей в школе обучали не только по-польски, но и «по-простому», т. е. на родном языке (24: 347). На Кубани вслед за созданием творческих коллективов и клубных объединений по «казачьему» признаку – хотя и в этом случае, независимо от степени осознания, на каком языке они поют, а порой еще и говорят в быту, никогда не путают черноморских (этнически украинских, в прошлом – запорожских) казаков с линейными (этнически русскими) – сегодня появляются и собственно украинские культурные общины, кружки, творческие группы (одни из первых – в поселке Лазаревское и Краснодаре).

Диаспорные бойки Херсонщины уже не раз выступали в качестве именно бойковских этнографических коллективов на различных фольклорных праздниках и фестивалях, в том числе на Всемирных бойковских фести́нах (форумах) в г. Турка и других центрах бойковской метрополии Дрогобыччины. Многие из херсонских бойков мечтают съездить на свою историче-

скую родину и привести оттуда материал для традиционных пастушеских инструментов. То же касается лемков – как на своей, частично возрожденной этнической территории в Польше, так и в диаспорах на западе и востоке Украины; во Львове вот уже много лет успешно функционирует ансамбль народной музыки «Лемковина», в программе которого значительное место принадлежит традиционному искусству.

Возрождается и этническое самосознание католиков Гродненщины и Виленщины, многие из них активизируют стремление своих детей обучаться белорусскому языку (в Вильнюсе вновь открыта белорусская гимназия). В католических селах Винничины и Житомирщины обучение в украинских школах даже становится нормой. В этих же краях усиливается место родного языка и при богослужении (вплоть до всей мессы целиком) в католических храмах. В Вильнюсе и Белостоке на белорусском языке выходит периодическая пресса, ведутся радио- и телевизионные передачи. В Северном Подляшье ныне довольно активно ведет научно-просветительскую и культурную работу обладающая национальным самосознанием местная украинская интеллигенция; публично представляют свое искусство – уже как этнически украинское – не только ряд традиционных, но и молодежных фольклорных групп; обучаются украинскому языку в школах и детских садах г. Бельска и нескольких сел региона; проводятся фестивали украинской песни; издается журнал «Над Бугом і Нарвою»; функционируют украинские программы краевого телевидения и радио, хотя все это дается с великими трудом и преодолением препон, направленных на этническую интеграцию и ассимиляцию местного населения. Такие препятствия, увы, инспирируются часто не столько государственными, сколько соответственно ориентированными общественными организациями.

Этническое возрождение через традиционную, принципиально самобытную, локальную культуру сталкивается с кардинально противоположными и губительными для фольклора стремлениями к интеграции, к сожалению, имеющими место и в деятельности национальных культурных и политических организаций. Активное тиражирование в разных этнографических коллективах неких общих (а по сути, происходящих из иного региона либо специально созданных профессиональными или самодеятельными авторами без учета местной традиции) песен с целью их совместного исполнения на многочисленных фестивалях и праздниках часто деформирует локальную специфику и самой фольклорной группы, и порождающей ее творчество среды, развивающейся и принимающей все новое согласно своим имманентным законам. С таким трудом годами восстанавливаемые, по сути, воссозданные фольклорные коллективы многострадальной немецкой диаспоры в Казахстане оказались быстро разрушенными из-за направленного (при репатриации) рассеивания отдельных их участников (или целых семей) по разным регионам Германии (17: 21).

Возродит ли социализация традиционной культуры в современном обществе его **этническую идентификацию**, или ее мутация разрушит саму этническую культуру, покажет будущее. Исследовательские данные, однако, призваны объективно и точно установить историческое прошлое, способствовать его более обоснованной научной интерпретации.

Литература

1. Беларусазнаўства: Навуч. дапам / Пад рэд. П. Брыгадзіна; Бел. дзярж. Ун-т. Мінск, 1998.
2. Беларусы у свеце: Інфармацыйны бюлетэнь. Мінск, 2006. № 4 (52). С. 6–8.

3. Бобровский П. О. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России? (По поводу Этногр. атласа западно-рус. губерний и соседних областей Р. О. Эккерта). СПб., 1864. (Из газеты «Русский инвалид» № 75 и 80 за 1864 г.)
4. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
5. Головатюк В. Вивчення фольклору українців Холмищини та Підляшшя // Холмищина та Підляшшя: Історико-етнографічне дослідження / Відповідальний ред. В. Борисенко. Київ, 1997. С. 322–329.
6. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
7. Грыцкевич А. Маргинальные территории Беларуси (Невель и Себеж в XVII–XVIII веках) // Пашлю серу зязюлку на радзінушку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 34–39. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
8. Грыцкевіч В. Гісторыя і міфы. Мінск, 2000.
9. Добровольский В. Смоленский сборник: В 4 т. М., 1891–1903.
10. Добрянська Л., Луканюк Б. Спроба типології весільних ладканок і пісень Західного Полісся та Західної Волині // Четверта конференція дослідників народної музики червононоруських (галицько-володимирських) та суміжних земель. Львів, 1997.
11. Дурново Н., Соколов Н., Ушаков Д. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915. Вып. 5.
12. Дьяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965.
13. Карашичанка І. Некаторыя асаблівасці самасвядомасці сучаснага насельніцтва гістарычнай Ржэзшчыны (б. Ржэўскі павет Цвярской губерні) // Пашлю серу зязюлку на радзінушку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 60–62. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
14. Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь / Публ. А. Гардзіенкі // Спадчына. 2003. № 6 (154). То же: Вільня, 2006. С. 67–78.
15. Купріянович Г. Маргіналія маргіналії. Українськомовне Північне Підляшшя як частина «беларускай Беласточчыны» // Пашлю серу зязюлку на радзінушку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 81–83. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
16. Лесів М. Українські говірки у Польщі. Варшава, 1997.
17. Мациевский И. В. Иван Виндгольц (Johann Windholz) и возрождение этномызыкальной германистики в России // Музыкант в культуре: концепции и деятельность. СПб., 2005. С. 5–21.
18. Мациевский И. В. Инструментальная музыка // Народное музыкальное творчество. М., 2005. С. 345–382.
19. Мациевский И. В. Инструментальная музыка трудового цикла на Белосточчине // Петербургская музыкальная полонистика. СПб., 2003. Вып. 3. С. 3–20.
20. Мациевский И. В. Музыкальные инструменты // Народное музыкальное творчество. М., 2005. С. 300–344.
21. Мациевский И. В. Музыкальные инструменты Подляшья // Материалы к Энциклопедии музыкальных инструментов народов мира. СПб., 1998. Вып. 1. С. 104–133.
22. Мациевский И. В. О финно-угорских реликтах и параллелях в русской народной инструментальной музыке // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 9–20.

23. *Мацievecкiй И. В.* Троица музыка – к вопросу о традиционных инструментальных ансамблях // *Artes populares: A Folklore Tanszék Evkönyve Yearbook of the Department of Folklore. Budapest, 1985. № 14. С. 95–120.*
24. *Мацiеўскi I.* Музыканы iнгрэдыент як iндыкатар гiстарычнага субстрату нацыянальна-асiмiлятыўных традыцый (на матэрыяле этнiчнай культуры католiкаў паўночнай Беларусчыны) // *Гiсторыя. Культуралогiя. Мастацтвазнаўства. Мiнск, 2001. С. 344–347. (Беларусiка=Albaruthenica; 21.)*
25. *Мацiеўскi I.* Пытаннi нацыянальнага адраджэння маргiнальных беларускiх земляў // *Беларусiка = Albaruthenica. Мiнск, 1995. Кн.5: Культура беларускага замежжа. С. 36–39.*
26. *Мацiеўскi I.* Этна-культурныя праблемы маргiнальных зямель // *Пашлю серу зязюлку на радзiнушку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 25–27. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)*
27. *Мацiевcкiй I.* До явищ традыцiйнаго музычнаго театру на Пiдляшшi: гоготуха // *Музыка та дiя в традыцiйному фальклорi. Львiв, 2001. С. 45–48.*
28. *Мизгир А. А.* Лирическая песня Невельской традиции // *Песенная лирика устной традиции. СПб., 1994. С. 124–148.*
29. *Назина И. Д.* Белорусские народные музыкальные инструменты: Самозвучащие, ударные, духовые. Минск, 1979.
30. *Назина И. Д.* Белорусские народные музыкальные инструменты: Струнные. Минск, 1982.
31. Народные песни Смоленской области: Методические рекомендации по работе с фольклорными коллективами / Составление, запись, обработки и примечания фольклориста С. В. Пьянковой. Смоленск, 1988.
32. *Пашина О. А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998 (например, с. 85, 137, 178, 243) (термин «западные восточно-славянские традиции» в отношении Смоленщины. С. 178).
33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого: В 89 т. СПб., 1900–1904. Т. 4: Виленская губерния, тетр. 1–3.
34. *Песнi Беларусчыны / Уклад. М. Гайдук. Мiнск, 1997.*
35. *Ромодин А. В.* О единстве северобелорусской музыкально-этнографической традиции // *Пашлю серу зязюлку на радзiнушку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 44–46. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)*
36. *Ромодин А. В.* Феномен народного музыканта – солиста и ансамблиста (северо-белорусские цимбалисты): Автореф. дис... канд. искусствоведения. СПб., 2004.
37. *Рижик Є.* Календарнi обряди украiнцiв Холмщини i Пiдляшшя // *Холмщина та Пiдляшшя: Iсторико-етнографiчне дослiдження / Вiдповiд. ред. В. Борисенко. Киiв, 1997. С. 251–269.*
38. Смоленский музыкально-этнографический сборник: В 3 т. М., 2003. Т. 1: Календарные обряды и песни.
39. *Соболевский А. И.* Очерк русской диалектологии. II. Белорусское наречие // *Живая старина. СПб., 1892. Год 2. Вып. 3. С. 3–30.*
40. *Соловьев И. В.* Инструментальные основы музыкальной культуры саами: Дис... канд. искусствоведения / Российский институт истории искусств. СПб., 2007. Гл. 2: Музыкальные инструменты саами.

41. *Тавлай Г. В.* Белорусская компактная традиция на Херсонщине (анализ и практические выводы) // Питання дослідження та збереження музичного фольклору Херсонщини. СПб., 1991. С. 93–97.
42. *Тавлай Г. В.* Музыкальные фольклорные собрания О. Кольберга, А. Кубы // Белорусская этномузыкалогия: Очерки истории (XIX–XX вв.). Минск, 1997. С. 63–66.
43. *Тавлай Г. В.* О сходстве разноэтнических традиций и способах их трансляции (на материале календарных напевов белорусско-литовского пограничья) // Механизм передачи фольклорной традиции. СПб., 2004. С. 39–49.
44. *Таўлай Г.* Музыка Смаленшчыны ў даследаваннях Людвіка Кубы // Пашлю серу зязюльку на радзінку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 68–71. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
45. Традиционная музыка Русского Поозерья (по материалам экспедиций 1971–1992 годов) / Составление и комментарии Е. Н. Разумовской. СПб., 1998. 240 с.
46. Традиційні пісні українців Північного Підляшшя (за матеріалами експедицій 1999–2001 років Лариси Лукашенко та Галини Похилевич / Проект Г. Похилевич; Упорядкування і нотні транскрипції Л. Лукашенко. Львів, 2006.
47. *Углік І.* Да праблемы этнакультурнай ідэнтыфікацыі // Пашлю серу зязюльку на радзінку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 40–43. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
48. *Харьков В. И.* Русские народные песни Смоленской области. М., 1956.
49. Холмщина та Підляшшя: Історико-етнографічне дослідження / Відповідальний редактор В. Борисенко. Київ, 1997.
50. *Хомич Л.* Шаманский бубен саамов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Сборник научных трудов. СПб., 1994.
51. *Хрушчова А.* Працы У. М. Дабравольскага як крыніца вывучэння духоўнай спадчыны беларусаў Смаленшчыны // Пашлю серу зязюльку на радзінку: Сборник статей и рефератов Невельской международной гуманитарной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Яна Барщевского. СПб.; Невель, 1996. С. 66–67. (Рукопись в виде нетиражированного оригинал-макета.)
52. *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993.
53. *Шурыев Е. Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.
54. *Янчук Н.* К антропологии Малоруссов-Подлясан: Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913.
55. Atlas gwar wschodnioslowianskich Białostoczczyzny / Pod redakcją S.Glinki, F.Obrębskiej-Jabłońskiej i J.Siatkowskiego; Polska Akademia Nauk. Instytut Słowianoznawstwa. T. 1: Wrocław, 1980; T. 2: Wrocław, 1989; T. 3: Wrocław, 1993.
56. Folklorystyczny Zespół Śpiewaczy z Orzeszkowa / Zapis pieśni, transkrypcja, kopiowanie nut, zapis i systematyzacja tekstów, układ pieśni, wstęp i korekta: S. Kopa // Repertuar zespołów folklorystycznych Białostoczczyzny. Zeszyt nr. 4. Białystok, 2003.
57. *Kolberg O.* Mazowsze: obraz etnograficzny. Kraków, 1890. T. 5: Mazowsze stare. Mazury. Podlasie. S. 355–377.
58. *Kuba L.* Beloruská narodní píseň // Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života. Praha, 1887. Roč. 6, Č. 1–4. S. 24–29, 71–76, 131–138, 163–169 [опубліковано 8 нотних записей]; *Kuba L.* Beloruská píseň // *Kuba L.* Cesty za slovanskou písní: 1885–1929: s hudebními příklady a vlastními kresbami. Svazek první, Slovanský západ a východ. Praha,

1933. T. 1. S. 231–266; 2-е изд.: Praha, 1953. [Т. 1–2 в одном переплете.] Т. 1. S. 232–268 [опубликовано 39 нотных записей]. См. также: Slovanstvo ve svých zpěvech: Sborník národních a znárodnělých (významných) písní všech slovanských národů. VI: Písňe ruské. Praha, 1885–1887; 2-е изд.: Praha, 1922. [15 народных песен с аккомпанементом для пения с фортепиано (собственные записи Л.Кубы (12) и ранее опубликованные напевы З. Радченко (1) и О. Гулак-Артемовским (2).]
59. Maciejewski I. *Życie po śmierci* // *Midrasz*. Warszawa, 2004. № 1 (81). S. 12–13.
60. Olędzki S. *Polskie instrumenty ludowe*. Kraków, 1978.
61. Sajewicz M., Czyżewski E. *Zróżnicowanie słownictwa rolniczego w kilku gwarach wschodniosłowiańskich na polsko-białorusko-ukraińskim pograniczu językowym* // *Slavica lublinensia et olomucensia*. Lublin, 1979. S. 151–170.
62. Vorren O., Manker E. *Lapp Life and Customs*. London, 1962. P. 110–113, 126–127.
63. Vyžintas A. *Lietuvių tradiciniai instrumentiniai ansambliai*. Klaipėda, 2006.